

Л. А. ДМИТРИЕВ

Принцип трехчленности в композиционном построении «Слова о полку Игореве»

В Ученых записках Тамбовского пединститута напечатано исследование Б. Н. Двинянинова, посвященное одному из существенных вопросов изучения «Слова о полку Игореве» — анализу особенностей и закономерностей композиционной структуры этого произведения.¹ Автор ставит перед собой задачу «установить объективные внутренние законы построения „Слова о полку Игореве“, выявить основной принцип деления „Слова“ на части, определяющий ритм и композицию плана» (стр. 138). В решении вопроса о композиционной структуре «Слова» исследователь отмечает два основных направления: логическое и ритмическое. «Сторонники первого направления берут смысловой принцип и делят текст прежде всего на логически законченные периоды», сторонники второго направления, «не отвергая смысловые границы частей, на первый план выдвигают понятие ритмической единицы, которую трактуют довольно широко» (стр. 138). Б. Н. Двинянинов исходит из положения о том, что «логическое членение текста должно предшествовать „ритмическому“, а не наоборот», так как архитектоника «Слова о полку Игореве» отличается «стройной, логически продуманной композицией, пропорциональным соотношением всех частей, составляющих гармоническое строение „Слова“, и соподчинением общей логической конструкции всех внутренних изобразительных и выразительных художественных средств» (стр. 153). По мнению исследователя, «основным элементом, организующим композиционное, ритмическое и стилевое единство „Слова о полку Игореве“, является трехчленность, характерная как для устной поэзии, так и для произведений торжественной художественной ораторской прозы» (стр. 154).

Само по себе положение о трехчленности общего плана «Слова о полку Игореве» общепризнано, что отмечает и сам автор статьи, но имеются различные решения этого вопроса. Наиболее традиционным и распространенным членением «Слова» на три части является разделение его на: 1) вступление, 2) основную (повествовательную) часть и 3) заключение. По мнению Б. Н. Двинянинова, более правильной и плодотворной является гипотеза В. Ф. Ржиги, который связал трехчленность композиции «Слова о полку Игореве» с тремя основными героями произведения — Игорем, Святославом и Ярославной. Развивая эту мысль, Б. Н. Двинянинов предлагает делить «Слово» на три главы, «организующим центром кото-

---

¹ Б. Н. Двинянинов. Принцип трехчленности в плане и композиции «Слова о полку Игореве». — Ученые записки Тамбовского гос. педагогического института, в. XII. Воронеж, 1958, стр. 137—182.

рых будут герои и конфликты, связанные с ними. В центре первой главы будут стоять Игорь, дружина и его поход, в центре второй главы — Святослав, князя и его „золотое слово“, в центре третьей главы — Ярославна, жены и ее плач» (стр. 156). Однако предлагая свое деление «Слова» на три главы, Б. Н. Двинянинов напрасно отбрасывает деление его на вступление, основную часть и заключение: одно другому не противоречит. Есть все основания говорить, что в общем плане «Слова» одновременно сосуществуют два принципа трехчленности: по формальному признаку «Слово» делится на вступление, основную часть и заключение, по содержанию же оно может быть разделено на три основные главы, определяющиеся тремя центральными образами памятника, вокруг которых автор группирует события своего повествования.

Рассмотрение вопроса о трехчленности композиции «Слова», с подробным очерком истории этой проблемы в изучении памятника, представляет само по себе большой интерес. Но если бы Б. Н. Двинянинов ограничился лишь рассмотрением вопроса трехчленности в общем плане «Слова», то едва ли это могло бы послужить материалом для большого исследования, каким является рецензируемая работа. Б. Н. Двинянинов подходит к вопросу о трехчленности «Слова» гораздо глубже, чем это делалось всеми его предшественниками. По мнению исследователя, принцип трехчленности как бы пронизывает весь текст «Слова»: подразделение текста внутри основных частей произведения на более мелкие части также подчинено принципу трехчленности.

На основании анализа произведений Кирилла Туровского, митрополита Илариона и Серапиона Владимирского Б. Н. Двинянинову удалось убедительно показать, что принцип трехчленности является характерным приемом композиционного построения произведений ораторского искусства древней Руси. Автор отмечает, что на трехчленность «слов» Кирилла Туровского исследователи его творчества указывали уже неоднократно. Но Б. Н. Двинянинов сумел раскрыть внутреннее содержание этой трехчленности композиционного построения «слов» знаменитого проповедника XII в., показать, что это глубоко продуманный художественный прием. Рассматривая «Слово на третью неделю» Кирилла Туровского, исследователь приходит к заключению, что принцип трехчленности строго выдержан Кириллом Туровским как в плане всего «Слова» в целом, так и в плане его отдельных частей: все «Слово» делится на три части, каждая часть в свою очередь делится на три основных эпизода. Такой же принцип трехчленности, выдержанный в композиции всего произведения в целом и внутри, в отдельных трех частях этого целого, раскрывается Б. Н. Двиняниновым на конкретном материале «Слова на Вознесение» Кирилла Туровского и «Слова о законе и благодати» Илариона.

Столь же строго выдержанная трехчленность в целом и в частях, по мнению Б. Н. Двинянинова, характерна и для композиционного построения «Слова о полку Игореве». Как уже отмечалось выше, все «Слово» Б. Н. Двинянинов делит на три главы. Каждой главе он дает определенное название: 1) Игорь и его поход; 2) Святослав и его «золотое слово»; 3) Плач Ярославны и возвращение Игоря. Первая и вторая главы в свою очередь делятся на шесть частей и третья — на пять. Каждая часть представляет собой логически и поэтически законченный отрывок текста. Каждая часть, по схеме Б. Н. Двинянинова, делится на три основных эпизода. Так, первая часть первой главы «Слова» делится на следующие три основных эпизода: «1. Вступление автора: о своей поэтической манере, о Бояне и исторических границах повествования. 2. Характеристика Игоря, Всеволода и дружины (с лирическим отступлением о Бояне).

3. Выступление Игоря в поход, грозные предзнаменования и его безнадежность». Каждый эпизод, согласно схеме Б. Н. Двинянинова, в свою очередь делится на три еще более мелких эпизода. Б. Н. Двинянинов пишет об этом: «Принцип трехчленности, обязательный для каждой части, сохраняется порой отчетливо внутри более мелких единиц деления, т. е. каждая из трех частей в свою очередь логически делится также на три подчасти, образуя необыкновенно целостное ритмическое единство, улавливаемое на слух. Например, вступление автора включает три момента: А) зачин, где автор говорит о своей манере повествования; Б) характеристика песнотворчества Бояна; В) исторические границы повести» (стр. 158).

Однако в действительности все обстоит гораздо сложнее. Если принять схему вступления, предложенную Б. Н. Двиняниновым, то к вступлению должна быть отнесена и характеристика Игоря. Фраза об «исторических границах повести» «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря» неразрывно связана со следующей за ней фразой, характеристикой Игоря, причинным союзом «иже»: «... до нынѣшняго Игоря, и же истягну умь крѣпостию своею...». Таким образом, из второго основного эпизода первой части должна быть изъята характеристика Игоря. Но тогда в первом эпизоде уже будет четыре подразделения, а не три, а из второго одно подразделение выпадает. Рассматривая план первой части, Б. Н. Двинянинов останавливается на вопросе о перестановке отрывка «О, Бояне, соловію стараго времени!.. ищучи себе чти, а князю славѣ». Он считает, что «план „Слова“ от этой перестановки, возможно, несколько выравнивается логически, но отнюдь не улучшается художественно. При этой перестановке замечание о Бояне из лирического отступления будет лирическим вступлением к характеристике князей» (стр. 158). Однако, если мы не оторвем характеристику Игоря от слов автора о хронологических границах своего повествования (а этого делать, как мы убедились, нельзя), то перестановка будет оправдана и логикой текста, и художественностью, и «замечание о Бояне» останется лирическим отступлением. В случае принятия перестановки первый эпизод первой части, вступление, будет разделяться на такие моменты: 1) зачин, где автор говорит о своей поэтической манере, 2) характеристика песнотворчества Бояна, 3) исторические границы повести и характеристика мужества Игоря, 4) лирическое отступление о том, как воспел бы Боян поход Игоря. При этом отступление о Бояне тесно связывается со всей темой вступления: автор «Слова» сопоставляет свою манеру изложения с поэтической манерой Бояна. Вместе с тем невозможность разъединения слов автора о том, что он поведет свой рассказ от старого Владимира до Игоря, от характеристики Игоря отменяет все деление первой части на три основных эпизода. Вся первая часть может быть разбита только на два основных эпизода: 1) развернутое вступление, состав которого охарактеризован выше, и 2) рассказ о выступлении Игоря в поход. Второй эпизод при этом подразделяется на следующие более мелкие части: характеристика Всеволодом своих воинов курян; обращение Игоря к воинам перед началом похода; выступление войск в поход, сопровождаемое зловещими предзнаменованиями. Из всего сказанного мы можем сделать вывод: если принять предложенное Б. Н. Двиняниновым деление первой части первой главы на три основных эпизода, то внутри эти эпизоды, без насилия над текстом «Слова», на более мелкие тройные пункты не делятся. Если же принять наиболее дробную степень тройных подразделений текста, то нарушается тройственность деления первой части на основные эпизоды.

Вторая и третья части первой главы соответственно озаглавлены Б. Н. Двигининовым «Первый бой» и «Второй бой». «Первый бой» делится на три основных эпизода: «Ночлег в степи перед боем», «Победа над половцами», «Вторичный ночлег после боя». «Второй бой»: «Движение главных половецких сил навстречу Игорю», «Развертывание битвы, слитое с грозой», «Подвиги буй-гура Всеволода». Предложенное Б. Н. Двигининовым разделение второй части на основные эпизоды в целом не вызывает возражения, так же как и внутреннее разделение двух первых эпизодов этой части на три более мелких подразделения. Однако нельзя, как это делает Б. Н. Двигининов, выносить из второй части фразу «Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ вѣкомъ; Кончакъ ему слѣдь править къ Дону великому» в третью часть, как первый основной эпизод этой части. Ведь по смыслу эта фраза тесно связана с картиной ночлега русских войск в степи: во время отдыха русских воинов, утомленных первым боем, когда их окружают половцы. Слова о Гзаке и Кончаке нельзя считать основным эпизодом второго боя: движение половецких сил происходит накануне второго боя, что и подчеркивается первым же словом, с которого начинается рассказ о второй битве: «Другаго дни...». Б. Н. Двигининову, очевидно, необходимо перенести слова о Кончаке и Гзаке в третью часть потому, что если оставить их во второй части, то третий эпизод второй части будет состоять из двух пунктов — картины ночлега и фразы о движении половецких сил во время ночлега русских, что нарушает выдержанность принципа трехчленности во всех частях произведения. Однако Б. Н. Двигининов не замечает, что включение этого эпизода в третью часть первой главы должно было бы заставить его разбить всю эту часть не на три, а на четыре основных эпизода. «Развертывание битвы, слитое с грозой», это не один эпизод, а два: 1) символическая картина грозы, предшествующая рассказу о битве, и 2) картина самой битвы. И здесь, как и в первом случае, мы видим, что текст «Слова» не укладывается в схему Б. Н. Двигининова.

Мы не будем столь же подробно анализировать остальные части плана «Слова», предложенного Б. Н. Двигининовым, приведем лишь несколько конкретных примеров, когда текст памятника явно противоречит тому членению его, которое предлагается автором исследования. Первая часть второй главы «Сон Святослава» разбивается Б. Н. Двигининовым на три основных эпизода: 1) содержание «мутного» сна, 2) толкование сна боярами, 3) авторская оценка поражения «с международной точки зрения». Непонятно, откуда появился третий эпизод? Ведь его нет в «Слове»! После рассказа Святослава боярам своего сна «ркоша бояре князю: „Уже, княже...“ и далее идет ответ бояр, в котором они говорят о походе и поражении Игоря, о последствиях этого похода, в том числе и с «международной точки зрения» (мы не останавливаемся на неудачности столь современного определения в отношении к «Слову») и заканчивают свой ответ словами: «А мы уже, дружина, жадни веселія». Нет сомнения, что в ответе бояр князю отразилась авторская оценка, но она входит в самый ответ бояр и выделять ее в самостоятельный эпизод никак нельзя. Третья и четвертая части второй главы последовательно озаглавлены Б. Н. Двигининовым как «Обращение к князьям Северо-Западной Руси» и «Обращение к волынским князьям». «Обращение к князьям Северо-Западной Руси» делится им на три обращения: 1) к Всеволоду Владимиро-Суздальскому, 2) Рюрику и Давиду Смоленским и 3) к Ярославу Галицкому. В данном случае Б. Н. Двигининову приходится явно грешить против истории и географии. Ни исторически, ни географически Галицкое княжество никак не может быть объе-

динено в группу с северо-западными княжествами. Уж тогда скорее следовало бы объединить с ними Волынское княжество, которое рассматривалось севернее Галицкого княжества. И уж если разбивать в рассматриваемом отрывке упоминаемые княжества на определенные группы, то включать Галицкое и Волынское княжества в разные группы никак нельзя. Вернемся немного назад и напомним, что три главы «Слова» Б. Н. Двигунович делит: первую — на шесть частей, вторую — на шесть и третью — на пять. Ведь уже в этом членении текста имеется нарушение выдвинутого самим же автором тезиса о точном соблюдении в композиции «Слова» принципа трехчленности и строгой соразмерности всех трех глав произведения.

Возможно, в дальнейшем, при более тщательном и скрупулезном анализе текста, Б. Н. Двигуновичу удастся безукоризненно расчленить «Слово» по принципу трехчленности, сейчас же нельзя сказать, что ему удалось это сделать. Наиболее верное решение этого вопроса должно, как нам кажется, строиться на положении о том, что в «Слове», написанном по принципу строгого соблюдения трехчленности в композиционном построении текста, имеются неоднократные случаи нарушения этого принципа. Б. Н. Двигунович на конкретных фактах текста убедительно показал, как строго соблюдался в целом и в частях принцип трехчленности в произведениях классиков древнерусского ораторского искусства. Автор «Слова о полку Игореве», создавая свое произведение как произведение ораторского искусства, что, по нашему мнению, убедительно доказывается И. П. Ереминым, также собирался строго соблюсти в композиции своего «Слова» принцип трехчленности, но в самом творческом процессе его произведение не укладывалось в эти жесткие рамки, и автор постоянно нарушает их.

Как бы то ни было, самая постановка вопроса о трехчленности композиции всего произведения в целом и в отдельных частях как характерном признаке построения ораторских произведений древней Руси весьма плодотворна и заслуживает всяческого внимания. В постановке этого вопроса и в иллюстрации его материалом ораторских произведений, близких по времени своего создания к эпохе «Слова», заключается большая удача автора. Б. Н. Двигуновичу необходимо продолжить свои наблюдения над текстом «Слова о полку Игореве» в начатом им направлении. При этом следует более тщательно подходить к тексту «Слова» и не отвергать возможности нарушения в тексте произведения избранной автором системы.